

Рецензия на Ключева В. П., Поплавский Р. О., Бобров И. В. Пятидесятники в Югре (на примере общин РО ЦХВЕ ХМАО). СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 256 с.

Сложность работы с местным материалом всегда заключается в том, чтобы не остаться на уровне краеведения, сохранив при этом специфический локальный материал, выводя его с уровня эмпирической оценки к возможностям формирования теоретических моделей. Исследование встает в ряд сравнительно небольшого количества работ, посвященных тем или иным аспектам специфики конфессиональной ситуации отдельных регионов¹. Ценность такого рода исследований заключается не только в возможности, но и необходимости, выхода за границы религиоведения, особенно в части истории и социологии религии, чтобы рассматривать религиозное как существующее на перекрестье этно-социальных условий, экономических обстоятельств, политических коллизий и индивидуально-психологической реакции носителей религиозного сознания. Освоение логики взаимодействия этих факторов дает ключ к пониманию особенностей разворачивания локального религиозного

¹ Рязанова С.В., Михалева А.В. Феномен женской религиозности в постсоветском обществе: региональный аспект. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011; Кормина Ж. Исполкомы и приходы: религиозная жизнь Псковской области в первую послевоенную пятилетку // *Неприкосновенный запас*. 2008 №3(59); Степанянц М. Этноконфессиональные процессы в современной России: ислам // *Неприкосновенный запас*. 2002. № 6 (26); Религия и религиозность во Владимирском регионе: коллективная монография. Под ред. Е. И. Аринина. В 2 тт. Владимир: изд-во Влад. гос. ун-та. 2013; Протестантизм в Тюменском крае: история и современность / под ред. И.В. Боброва. СПб, Изд-во СПб ун-та, 2006; Митрохин Н., Сибирева О. «Не бойся, малое стадо!». Об оценке численности православных верующих на материале полевых исследований в Рязанской области // *Неприкосновенный запас*. 2007, №1 (51); Сибирева О. Православная религиозность в позднем СССР. Пример Шацкого района Рязанской области // *Неприкосновенный запас* 2010, №5(73); и другие.

пространства, как в целом, так и в варианте case-studies, помогая воспринимать частные проявления религиозности как исторически и социально обусловленный элемент культурного пространства.

Монография, выпущенная коллективом тюменских авторов – еще один шаг в реконструкции религиозной жизни регионов, из столицы воспринимаемых как периферийных, провинциальных, из-за отдаленности больше доступных взгляду местных исследователей. Сформировавшиеся в результате активных миграционных процессов и вобравшие в себя этническое многообразие страны Урал, Сибирь и Дальний Восток представляют собой яркие примеры причудливых сплавов автохтонных культур, христианства как результата миссионерской работы и тяготевшего к гомогенизации наследия советской эпохи. Большая часть этой панорамы пока является закрытой, как для широкой публики, так и для специалистов, поэтому каждый новый фрагмент, охваченный исследовательским анализом, обогащает пространство отечественного социогуманитарного знания.

Рассматриваемая работа представляет собой попытку историков, социологов и религиоведов реконструировать сложную картину религиозных представлений огромной территории Западной Сибири – Ханты-Мансийского автономного округа, культурный континуум которого стал результатом сложения усилий носителей угорской культурной традиции, переселенцев из центральной части России, приехавших из других регионов специалистов времен Советского Союза и трудовых мигрантов. Отметим, что предложенный ракурс исследования охватывает только одну из укоренившихся в регионе христианских деноминаций, составляющую, по замечанию самих авторов, незначительную долю верующего населения,

но дающую пример интенсивного развития и реальной воцерковленности ее последователей. Пятидесятники, представляющие собой сравнительно молодую деноминацию, все больше заявляют о себе как о сообществе, претендующем на закрепление в пространстве верований и социальной жизни, члены которого занимают активную позицию – как в религиозной жизни, так и за ее пределами.

Отметим, что по замыслу авторов исследование охватило исключительно представителей харизматических церквей (т. н. «неопятидесятничество»), что определило сужение рамок исследования до границы между прошлым и настоящим столетиями, сфокусировав внимание на процессах, которые начали разворачиваться сравнительно недавно. Пятидесятнические церкви, относимые к традиционным, присутствуют только в качестве материала для сравнения, призванного оттенить специфику молодых церквей христиан веры евангельской. Взгляд с небольшой временной дистанции, с одной стороны, позволяет оценивать происходившее с позиций исторической значимости, вместе с тем, позволяя сохранить представления о сопровождавшем события культурном контексте. По сути, предлагаемая работа – прежде всего, попытка зафиксировать уже уходящие в прошлое элементы религиозной истории региона.

Внимательное прочтение текста книги показывает, что она фактически состоит из двух, неравнозначных по объему и качеству, частей. Первая – по качеству исполнения и уровню подачи материала – включает в себя третью и четвертую главы («Становление пятидесятнических общин в ХМАО – Югре на рубеже XX и XXI веков» и «Человек в пространстве пятидесятнической общины») за авторством В. П. Клюевой и Р. О. Поплавского, а вторая представлена описанием «институциональных практик

государственно-конфессиональных отношений» в Югре и места пятидесятников в системе общественно-религиозных отношений, данных И. В. Бобровым в первых двух главах монографии.

Забегая вперед, укажем, что всю смысловую нагрузку, связанную с решением поставленных перед текстом задач – рассмотреть «историю и современное состояние пятидесятнических общин... аспекты государственно-конфессионального взаимодействия, социальной, евангелизационной и образовательной деятельности общин, социокультурные характеристики верующих» (с. 2), – несут на себе именно третья и четвертая главы. Первые главы, изначально воспринимаемые читателем как отправная точка для рассуждений, фактически таковыми не являются, поскольку первая представляет собой поверхностный обзор общей конфессиональной картины округа, а вторая, по справедливости, должна была бы занимать место четвертой, поскольку претендует на анализ взаимоотношений социума и пятидесятнических общин, как уже сложившихся институтов. Оставив на совести И. В. Боброва не вполне понятные «практики отношений» (с. 43) (практики как формы деятельности осуществляются только субъектами этой самой деятельности, а не сложившимися между ними связями) и коллизии взаимодействия в «системе общественно-религиозных отношений» (с. 12) (поскольку последние два понятия являются разнопорядковыми, а религия занимает часть социального пространства), отметим особенности данных глав, которые вызвали расщепление единого пространства предлагаемой читателю книги.

Начнем с того, что первая глава, несмотря на оговорку о связи общественного пространства с деятельностью пятидесятников, имеет очень слабую связь с

анонсированными во введениями задачами и интенциями исследования (с. 12). Автор бегло описывает специфику позднесоветской и постсоветской религиозной ситуации, делая акцент лишь на реализации законодательства о свободе совести применительно к последней. Данная глава в равной мере могла бы войти в монографии, посвященные неоориенталистским верованиям, возрождению ислама, а также в отчетный доклад регионального управления внутренних дел или журналистский обзор, поскольку не содержит в себе аналитических обобщений, ограничиваясь фиксацией фактов. Однако даже для региональной журналистики неприемлемы неряшливые стилистические конструкции, деформирующие, либо кардинально меняющие исходную мысль автора. Так, мы с удивлением узнаем, что пятнадцать зарегистрированных в советское время общин «объединяли лютеран, пятидесятников, баптистов, последователей истинно-православной церкви и иудеев» (с. 16), что дает повод предположить наличие в Югре уникальных межконфессиональных содружеств, видимо исчезнувших в результате «разложения тоталитарности» (с. 16).

Озадачивают и умозаключения вроде следующего: «В то же время органы государственной власти довольно трезво представляют себе реальную численность верующих. Так, в официальном поздравлении нынешнего губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Н. В. Комаровой, опубликованном в «Сибирской православной газете» говорится лишь о «многотысячной православной общине Югры» (с. 24). Остается только гадать, почему высокопоставленный чиновник не знает о других конфессиях, в том числе и той, которой посвящена монография, и как связаны между собой реальная численность верующего населения и поздравление одной

из общин с их религиозным праздником. По мнению автора раздела, причиной этому служит тот факт, что «государственная и муниципальная бюрократия ХМАО исходила из своей системы ценностей, представлявшей собой усвоенные в советское время представления о мире, обществе и государстве, видоизменяющиеся под воздействием новых экзистенциальных и социально-политических условий современной России» (с. 24). Мироззрение подменяется аксиологическими категориями, а указание на их трансформацию под нажимом внешних факторов не объясняет закостенелость местных бюрократов в отношении к возникающим церквям. На той же странице встречаются и откровенно нелепые построения: «Системообразующими ценностями политического и административного чиновничества являются ориентиры их профессиональной и общественной деятельности. Именно поэтому и в публичных текстах и выступлениях, и в законодательных документах основное место занимает представление о религии как инструменте социально-политических отношений» (с. 24). Очевидно, что, при всей важности роли религии в границах политико-правового континуума, несправедливо игнорировать другие механизмы осуществления властных функций.

То же самое можно сказать и об утверждении, что именно истеблишмент формирует региональное сообщество. Впрочем, сам автор не настаивает на декларируемых им идеях, утверждая, что «религия занимает в мироззрении югорского истеблишмента маргинальное положение», а ее учет в культурной жизни – ошибочная установка: «Значительную роль играют культурные и националистические предрассудки определенных слоев истеблишмента, считающих, что религия прямо или косвенно репрезентирует культуру того или иного народа»

(с. 42). Остается без ответа вопрос о том, на каком основании может покоиться религиозная форма общественного сознания, если к культуре она отношения не имеет. Та же судьба постигла и этнический компонент культуры: автор выражает удивление, что «национальные интересы как некие общие для продолжения существования некой большой социальной группы воспринимаются им (истеблещиментом – С.Р.) как законные и требующие удовлетворения со стороны органов государственной власти» (с. 43).

Озадачивает и категориальный аппарат первых разделов, включающий в себя «псевдорелигиозные организации» (с. 34) и химерических «мусульманских предстоятелей» (с. 35), «эмансипацию православия» (с. 43) и «деинституциализацию свободы совести» (с. 46). В сочетании с обилием грамматических несогласований и абсурдных утверждений – «Значительную роль в осмыслении места религии в системе общественно-конфессиональных и государственно-конфессиональных отношений управляющими классами Ханты-Мансийского автономного округа играет ценность социальной ответственности государства, которая является преломляющей линзой для отношения к религии» (с. 26) – интенции первых разделов производят впечатление голема, реально существующего только в голове автора.

Только со с. 51 делается попытка обратиться к заявленной теме. Однако вместо обещанного анализа места пятидесятников в системе государственно-конфессиональных отношений, читатель получает описание социальной концепции и позиции христиан веры евангельской, сопровождаемое спорными утверждениями вроде того, что психотерапевтические практики заложены в системе христианских ценностей, которые, в итоге,

были «присвоены» абстрактным человеком (с. 67). Незначительность аргументации подкрепляется тем, что, в отличие от текста соавторов, И. В. Бобров ссылается только на источники вторичного характера, чаще всего – официальные, не используя индивидуальные нарративы – наиболее яркие свидетельства природы и способа религиозного мироотношения в современном мире, если верить П. Бергеру и его «Еретическому императиву». Ссылка на интервью с епископом Ряховским в качестве подтверждения социальной политики общин Югры (с. 72) также не добавляет тексту убедительности, как и попытки повествовать в тексте, посвященном пятидесятникам, о трудностях регистрации для других общин региона, борьбе общественности против всех НРД и о политике РПЦ в этом отношении (с. 78).

Приходится признать, что для остальных разделов монографии главы, написанные И.В. Бобровым, являются балластом, портящим впечатление от добросовестного научного исследования, тем более что они размещены в начале книги.

Если убрать наваждение первых разделов – лучше всего, просто не читать – то останется еще два целостных текста, составляющих наиболее значимую часть представленного исследования. Можно по-разному оценивать теоретический вклад, внесенный в религиоведение и сопредельные дисциплины В. П. Ключевой и Р. О. Поплавским, но неоспоримым является уникальность того исходного материала, на котором построена работа. Можно сказать, что именно в границах указанных глав текст начинает говорить с читателем языком религиоведения, пусть и имеющим авторскую специфику.

Третья глава развертывает перед читателем исторический ракурс восприятия пятидесятничества как

неотъемлемого компонента религиозной панорамы региона. Авторы предлагают выделить три основные модели, в границах которых происходит становления харизматических церквей христиан веры евангельской – «ищущую», «пробужденческую» и «миссионерскую» (с. 99). Последний вариант сценарий представлен как наиболее актуальный для возникновения новых общин на территории ХМАО. К сожалению, в тексте книги не содержится информации о том, является ли данная типология результатом теоретических обобщений исследователей, либо предложена кем-то из предшественников, изучающих пятидесятнические общины. Однако эта лакуна не меняет самого факта правомерности распределения церквей по типам, в зависимости от путей их формирования. Подробно рассматривается социальная деятельность общин христиан веры евангельской как охватывающая разные категории членов социума и ориентированная на сотрудничество с другими организациями (с. 126-134). Авторы отслеживают тенденции развития пятидесятнического сообщества на территории региона – повышение среднего возраста, редуцирование апокалиптических настроений и снижение эмоционального накала в общинах, трансформация евангелизационных стратегий, завершение процессов институциализации (с. 146).

Фундированность выводов о логике становления общин, изначально являющихся чужими для населения Югры, обеспечена глубинными интервью. Дополнительным основанием для верификации получаемых в интервью данных послужили материалы анкетного опроса, публикации в соответствующих конфессиональных изданиях и работы зарубежных и отечественных исследователей современного протестантизма.

Наибольшая удача авторов – раздел, посвященный верующему индивиду, человеку, помещенному в

сферу религиозного, через призму индивидуального преломляющего совокупность норм, правил и откровений (с. 147-224). Он сконструирован по классической схеме – постановка проблемы, детальный историографический обзор, полноценный анализ сложившихся концепций, собственная классификация наиболее значимых для христиан веры евангельской практик и др. В монографии выделяются основные типы религиозной конверсии и связанные с ней ритуальные практики. А также протекающие одновременно процессы социализации неопитов в общине. Анкетный опрос стал основанием для всестороннего описания религиозного поведения пятидесятников, особенностей их религиозных же активности и сознания. Не были обойден вниманием и гендерный аспект как функционирования евангельских церквей, так и внутрисемейных отношений евангельских христиан. Все это позволяет говорить о формировании в рамках исследования представления о культурном хронотопе, в границах которого существуют пятидесятники Югры, определяющим их самобытность и, одновременно, тесную связь с единоверцами в других частях страны и мира.

Несомненным достоинством работы следует считать скрупулезную обработку получаемых данных, внимание к качественным и количественным параметрам становления пятидесятнических церквей, стремление охватить все варианты религиозных объединений анализируемой конфессии. Совокупность приводимых в монографии персоналий, данных количественного характера и исторических фактов дает возможность использовать предлагаемое исследование, в том числе, и как справочник по религиозной ситуации, включающий в себя как синхронные, так и диахронные данные.

Думается, исследование приобрело бы дополнительные преимущества, если бы включало в себя не только непосредственные причины генезиса религиозных общин, но и предпосылки локального характера, способствующие включению христиан веры евангельской в пространство традиционных верований ХМАО. Отчасти эта задача была решена за счет привлечения материала по обращению в евангельскую веру хантов – народа, сохранившего ярко выраженную этническую специфику, собственные язык и бытовой уклад. Обращение к истории конверсии представителей этого народа дает нам ключ к выстраиванию иерархии факторов формирования сообщества неофитов, в том числе, и относящихся к другим конфессиям.

К недостаткам текста стоит, по нашему мнению, отнести неуверенность авторов при разрешении ряда вопросов формирования и функционирования пятидесятнических церквей. Огромный нарративный материал сопровождается суждениями вероятностного характера, что заставляет сомневаться в том, можно ли считать исследование законченным. Думается, накопленный багаж дает тюменским исследователям право на формирование собственной ярко выраженной позиции в рассматриваемом вопросе. Желателен также более сильный акцент на региональной специфике, что позволит избежать обвинений в узости темы и ее ориентированности только на малый круг специалистов. Тем не менее, стоит признать, что работа в той ее части, которая предстает как научный текст, является интересной, целостной, дающей приращение научного знания и открывающей новые перспективы к исследованию современного религиозного пространства.

С.В. Рязанова